

Отечественные психологи о воздействии художественной литературы

Е. О. Шацкий

(Московский государственный гуманитарный университет
им. М. А. Шолохова)

В статье раскрываются взгляды отдельных отечественных психологов на специфику воздействия литературы на личность и общество. Литература передает и активизирует личностно-смысловое отношение к действительности и, как следствие, влияет на развитие человека.

Ключевые слова: психология искусства, восприятие художественной литературы, эстетическое отношение.

Интерес к вопросам искусства со стороны психологии обусловлен общностью объекта — человек в его личностно-смысловой и эмоционально-волевой сферах. Цель настоящей статьи — рассмотреть особенности и эволюцию взглядов отдельных известных отечественных психологов на искусство слова как на предмет и цель художественного творчества, толкование его назначения и социальной ценности. А. С. Выготский (1896–1934) стал основателем целого направления в психологии, позднее развитого династией ученых-психологов Леонтьевых: А. Н. Леонтьевым (1903–1979), А. А. Леонтьевым (1936–2004) и Д. А. Леонтьевым (р. 1960), а также О. И. Никифоровой (1903–1978) и другими исследователями.

Особенно интересна и значима в психологии художественного творчества проблема специфики воздействия искусства на личность и общество. На уровне прикладных психологических исследований воздействие искусства нередко редуцируется до когнитивно-эмоциональных проявлений человека в отношении искусства. Но этот подход не способен объяснить, в чем заключается уникальность воздействия искусства на личность человека. Перед учеными-психологами встала задача преодоления понимания искусства как процесса познания и «заражения» чувствами.

Итак, обратимся к А. С. Выготскому. Ученый убедительно выявил неполноту взгляда на искусство как на познание. При информационном подходе к искусству суть художественного произведения сводится к пересказу, теряется значение художественной формы («сцепления мыслей и сцепления слов»):

«только в данной своей форме художественное произведение оказывает свое психологическое воздействие» (Выготский, 1987: 36). Так, бесспорна разница между воздействием лирического стихотворения и его переложения прозаическим языком. Анализируя хрестоматийную фразу «Редкая птица долетит до середины Днепра», А. С. Выготский показал, что гиперболическая образность тропа не приводит читателя к наглядному представлению о Днепре. В соответствии с общими целями «Страшной мести» Н. В. Гоголь создает образ, связанный с общим «сцеплением мысли» фантастической и романтической повести. Художник не копирует жизнь, а перерабатывает элементы действительности.

Аргументацию А. С. Выготского дополнил и развил А. Н. Леонтьев (Леонтьев, 1983: 234, 236–237). Исследователь рассмотрел очевидные различия между эстетическим и познавательным отношением к действительности, эстетической и познавательной деятельностью, художественным образом, создающим живую картину, и наглядным символом, посредством которого передается информация. Очевидно, что обращение к символу (например, дорожному знаку) не создает художественного произведения. А. Н. Леонтьев дифференцировал две задачи сознания человека: 1) познание, под которым ученый понимал осознание себя в системе «значений» (объективного, общественно-исторического опыта, опредмеченного в орудиях труда, социальных нормах и ценностях и понятиях языка), и 2) открытие и выражение личностного («для себя») смысла явлений. Специфика искусства, по А. Н. Леонтьеву, состоит в выполнении второй задачи.

Если применить эту теоретическую позицию к тропу, использованному в примере А. С. Выготского, то можно сделать вывод, что он не передает знания о Днепре, но выражает к нему личностное, субъективное отношение автора.

А. А. Леонтьев, развивая взгляды А. Н. Леонтьева, также подчеркивал, что эстетически значимо только такое сообщение, содержание которого не сводится к отображению абстрактно-понятийных, доступных словесному пересказу или математическому моделированию признаков действительности. Исследователь полностью разделял положение А. Н. Леонтьева о том, что искусство оперирует не «значениями», а личностными смыслами. Если значение — объективная, кодифицированная форма, в которой существует общественное знание, то личностный смысл — субъективная психологическая форма существования общественного представления. Личностный смысл соотносен с целостной личностью человека, а следовательно, с целостной системой его отношения к действительности. Именно целостная система отношения к действительности передается и воспринимается при общении с искусством.

Возвращаясь к примеру с гоголевским тропом, следует обратить внимание, что концепция А. А. Леонтьева согласуется с взглядами А. С. Выготского на связь гиперболизированного описания Днепра с общей фантастической картиной мира в повести, выражающей романтическое отношение к действительности.

Интересно и продуктивно развивает приведенные позиции Д. А. Леонтьев. Он доказывает, что создание и восприятие художественного произведения функционирует по следующему циклу: мир — образ мира — изображение мира — образ мира — мир. Действительность в сознании любого человека отражается неполно, избирательно и пристрастно. Образы действительности трансформируются в зависимости от их личностного смысла для человека. Создавая произведение искусства, художник преломляет свой образ мира через систему изобразительных средств, приемов, возможностей и ограничений матери-

ла, художественных канонов и традиций. Таким образом, произведение искусства — это изображение не мира, а образа мира художника (Леонтьев, 2007: 421). Д. А. Леонтьев выделил в восприятии произведения искусства два этапа. Первый — увидеть за изображением мира образ мира конкретного человека и принять по отношению к нему понимающе-диалогическую позицию. Слияние с позицией художника, взгляд на мир его глазами — это диалогическое, эстетическое отношение к произведению искусства. Только при этом условии возможен переход ко второму этапу — постижению новых граней личностно-смысловой логики и онтологии отношений человека с миром.

Применение приведенного деления к примеру с тропом, использованным в повести Н. В. Гоголя, проясняет, что сначала читатель видит Днепр таким, каким его показал писатель, а на следующем этапе постигает личностный смысл, выраженный здесь с помощью такого изобразительного приема, как гипербола.

На эмпирическом материале подтвердила это О. И. Никифорова. По мнению читателей, ставших участниками проведенного ученым масштабного исследования, важно не копирование действительности, а верное и точное раскрытие человеческого смысла изображаемых предметов. Изображение предмета может быть не буквальным, а в той или иной степени условным, но отражающим хорошее знание особенностей изображаемого и убеждающим читателя (Никифорова, 1972: 98).

На первый взгляд может показаться, что к тропу «Редкая птица долетит до середины Днепра» не применимо положение об отражении знаний особенностей действительности. Но поставим вопрос так: если тот же троп был бы применен Н. В. Гоголем в описании лужи из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» («...удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь»), то как бы он воспринимался читателем? Очевидно, как насмешка, ирония. В применении к крупнейшей реке

Украины тот же троп передает авторское восприятие, любовь к родному краю. Следовательно, знание особенностей изображаемого предмета находится в неразрывной связи с личностным смыслом художника.

Таким образом, психологи доказывают, что искусство не копирует жизнь, а перерабатывает, обогащает, переосмысливает. Посредством художественного произведения происходит коммуникация не информации о действительности, а эстетических отношений художника к представляемой им действительности.

Психологи XX в. видели пробелы и в толстовской концепции искусства как «заражения» чувствами. А. С. Выготский отметил, что само по себе заражение чувствами, например от крика ужаса, не создает искусства. При понимании искусства как коммуникации эмоций различие между значением искусства и единичного человеческого чувства оказывается только экстенсивным, количественным, а не качественным. А. С. Выготский образно сравнил действие искусства с евангельским чудом претворения воды в вино. Он пишет: «...настоящая природа искусства всегда несет в себе нечто претворяющее, преодолевающее обыкновенное чувство, и тот же самый страх, и та же самая боль, и то же волнение, когда они вызываются искусством, заключают в себе еще нечто сверх того, что в них содержится» (Выготский, 1987: 232–233). А. С. Выготский подчеркнул социальную природу преобразования чувств искусством: «чувство первоначально индивидуально, а через произведение искусства оно становится общественным или обобщается» (там же: 233); «переплавка чувств вне нас совершается силой социального чувства, которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества» (там же: 239).

Согласно концепции А. С. Выготского действие искусства основано на катарсисе — диалектической эмоции, в которой преодолеваются и разрешаются возбужденные художественным произведением чувства и страсти. Катарсис оказывается конечной целью искусства, а эстетический акт сводится к следую-

щим элементам: противоречие, внутреннее отталкивание, преодоление и победа (Выготский, 1991: 287–288). Одной из самых интересных и в то же время дискуссионных сторон концепции А. С. Выготского является его анализ художественного творчества. С позиции А. С. Выготского, «всякое художественное произведение — басня, новелла, трагедия — заключает в себе непременно аффективное противоречие, вызывает взаимно противоположные ряды чувств и приводит к их короткому замыканию и уничтожению» (Выготский, 1987: 203). Так, например, в басне «Волк и ягненок» он увидел столкновение полярных чувств, осознание читателем как торжества ягненка над волком в «юридическом» препирательстве, так и неизбежности гибели ягненка независимо от правоты в этом споре. В конце басни оба чувства доходят до кульминации: ягненок побеждает и гибнет. Но уже на этом конкретном примере концепция психолога вызывает обоснованное сомнение: действительно ли эстетический смысл басни в том, что взаимные ряды чувств уничтожаются? Не является ли результатом приведенного психологом «противочувствия» естественное чувство возмущения тем, что «у сильного всегда бессильный виноват», и осознание человеком всей несправедливости подобных явлений в реальной жизни?

Интересно, что и А. Н. Леонтьев также подчеркивает, что выражение и передача чувств, эмоций, страстей, аффективных состояний не может быть специфической функцией искусства. Эффективное заражение, воздействие ими на других людей возможно и вне искусства. Не снимает проблему и признание того, что искусство вызывает катарсис, очищает, помогает изживать аффекты и страсти, так как и в этом случае предметом коммуникации в искусстве оказываются чувства, хотя и очищенные, трансформированные. Заложенные в искусстве борьба чувств, столкновение, разрушение одного и утверждение другого воспроизводят динамику человеческого сознания и необходимы для того, чтобы проникнуть за объективное, общественно-историческое значение явления и *освободиться от равнодушия*. Через борьбу чувств читатель приходит

к открытию личностного («для меня») смысла явлений жизни, который, следовательно, и передается посредством искусства, ибо составляет суть его природы. «Открытие личностного смысла есть акт высшей степени эмоционального напряжения (но не эмоция сама по себе, которая может возникнуть по любому поводу)» (Леонтьев, 1983: 239).

В свете представленной позиции А. Н. Леонтьева становится понятной неполнота суждений А. С. Выготского о басне «Волк и ягненок». Выготский писал: «Если бы она действительно должна была показать только то, что сильный часто притесняет бессильного, она могла бы рассказать простой случай о том, как волк растерзал ягненка» (Выготский, 1987: 116). Это действительно так. Но такой рассказ не нес бы в себе определенного *отношения к изображаемому*. Он мог бы оказаться в естественно-научной книге о хищниках или об овцеводстве, и тогда, по А. Н. Леонтьеву, он передавал бы только общественно-историческое значение явления, объективное знание о действительности. Но для того чтобы эпизод обрел для читателя личностный смысл, чтобы его сознание проникло за «безразличность, объективность, равнодушие» общественно-исторического значения, оказывается необходим спор героев, вызываемые им переживания, катарсис, в результате чего читатель обретает собственное эстетическое отношение к созданной картине явления действительности и дает ему эстетическую оценку.

Д. А. Леонтьев отмечает, что при восприятии художественного произведения сознание человека находится в особом, эстетическом состоянии, подготовленном эстетической структурой (художественной формой) произведения искусства. Состояние это подобно сну или медитации, оно способствует проникновению эстетизированного (воплощенного в художественной форме) смыслового содержания через психологические барьеры, охраняющие стабильность картины мира реципиента. Д. А. Леонтьев отмечает, что в эмоциональном переживании отражается абстрактная значимость объектов или явлений для человека. За эмоциональным переживанием факта значимости следует постановка вопро-

са о жизненной подоплеке этой значимости, вопроса о том, какова связь данного объекта или явления с реалиями жизни читателя (Леонтьев, 2007: 423, 429).

Рассмотрим басню «Волк и ягненок» с этой точки зрения. Очевидно, что читатель при первом восприятии басни переживает эмоциональное напряжение, не связывая его с конкретными явлениями окружающей его действительности. Объект его переживаний, сочувствия, негодования — вымышленные герои басни. Но воздействие художественного произведения неполно, если позднее читатель не задумывается над тем, почему произведение вызвало у него именно такие чувства, именно такую оценку происходящего. И оценка поступков литературных героев переносится на реальный мир.

Наиболее отчетливо сформулировала неравнозначность теоретических разработок А. С. Выготского О. И. Никифорова, отметив, что понимание непосредственного влияния искусства на людей, выведенное ею из анализа художественной литературы, совпадает с такими постулатами А. С. Выготского, как преодоление и просветление чувств (катарсис) под влиянием искусства, претворение индивидуального чувства в общественное. Но она отвергла понимание процесса восприятия искусства как двух противоположных рядов чувств, которые приводят к уничтожению друг друга, заметив, что такой анализ структуры произведения игнорирует существенную особенность искусства — то, что оно является обобщенным изображением действительности, выражающим понимание и эстетическую ее оценку писателем. Предложенный А. С. Выготским подход, по оценке О. И. Никифоровой, ведет к отрицанию действенной воспитательной силы искусства вообще и художественной литературы в частности. Между тем основная функция художественной литературы — это формирование у людей глубоких и устойчивых обобщенных чувств, побуждающих определить свое личное мировоззрение, превращающих его в действенную силу, направляющую поведение личности. В восприятии произведения искусства О. И. Никифорова выделила две стадии: 1) воссоздание и переживание образов

произведения и 2) понимание идейного содержания произведения. Вторая стадия восприятия, очевидно, выпадает при анализе одних только чувств, вызванных художественным произведением.

Соглашаясь с исследователем в выделении этих двух стадий, отметим, что при рассмотрении басни И. А. Крылова с точки зрения идейного содержания свое место занимает не только ее нравственная, но и социально-критическая направленность, выраженная через обращения ягненка к волку: «Когда **светлейший Волк** позволит, Осмелюсь я донести: что ниже по ручью От **Светлости** его шагов я на сто пью». Басня передавала и ироническое отношение автора к устройству общества, основанного на сословном неравенстве.

Труды названных психологов, как и многих других исследователей, подтверждают, что в искусстве чувства, как и знания, не передаются, а переосмысливаются, преобразуются в художественные образы, содержащие определенное эстетическое отношение к действительности, ее эстетическую оценку. Воздействие искусства не сводится к уничтожению чувств, эмоций, страстей, испытанных читателем при восприятии художественных произведений. За катарсисом следует осмысление пережитого и преобразование личности человека.

Не каждый текст, содержащий информацию, имеющий эмоциональную окраску, является подлинно художественным текстом. Воздействие художественного произведения на человека не сводится к когнитивно-эмоциональным процессам. Произведения искусства выражают, передают и активизируют восприятие личностно-смыслового отношения к действительности и, как следствие, влияют на развитие человека читающего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выготский, А. С. (1987) Психология искусства. М. : Педагогика.

Выготский, А. С. (1991) Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика.

Леонтьев, А. Н. (1983) Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика. Т. 2. С. 232–239.

Леонтьев, Д. А. (2007) Психология смысла. М. : Смысл.

Никифорова, О. И. (1972) Психология восприятия художественной литературы. М. : Книга.

Дата поступления: 17.04.2013 г.

RUSSIAN PSYCHOLOGISTS' OPINIONS ON THE INFLUENCE OF IMAGINATIVE LITERATURE

E. O. Shatskiy

*(Sholokhov Moscow State University
for the Humanities)*

The article reveals the views of some Russian psychologists on the specifics of fiction's influence on the personality and the society. Literature transfers and activates personal and sense attitude to the reality. Consequently, it has impact on the development of the person.

Keywords: the psychology of art, perception of imaginative literature, esthetic attitude.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Vygotskii, L. S. (1987) Psikhologiya iskusstva. M. : Pedagogika.

Vygotskii, L. S. (1991) Pedagogicheskaya psikhologiya / pod red. V. V. Davydova. M. : Pedagogika.

Leont'ev, A. N. (1983) Nekotorye problemy psikhologii iskusstva // Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniia : v 2 t. M. : Pedagogika. T. 2. S. 232–239.

Leont'ev, D. A. (2007) Psikhologiya smysla. M. : Smysl.

Nikiforova, O. I. (1972) Psikhologiya vospriiatiia khudozhestvennoi literatury. M. : Kniga.